

Наблюдатель
у порога

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111+821.111(73)
ББК 84(4Вел)+84(7Сое)-44
Н 13

Составитель Людмила Брилова

Перевод с английского
Людмилы Бриловой, Анастасии Бродоцкой

Серийное оформление Егора Саламашенко

Оформление обложки Татьяны Павловой

© С. А. Антонов, сведения об авторах, 2024
© Л. Ю. Брилова, составление, перевод, 2024
© А. М. Бродоцкая, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-26754-1

Элизабет Гаскелл

Любопытно, если правда

*Выдержки из письма
Ричарда Уиттингема, эсквайра*

Помню, вас немало позабавило мое признание, что я горд своим происхождением от сестры Кальвина, ставшей супругой Уиттингема, настоятеля Дарэмского собора; соответственно, мне трудно рассчитывать, что вы поймете чувства, приведшие меня во Францию, где я надеялся путем розысков в государственных и частных архивах обнаружить боковую родню великого реформатора и далее, быть может, завязать с ней знакомство. Не стану рассказывать, какие трудности и приключения подстерегали меня в ходе этих изысканий: вы недостойны это слышать; однако как-то вечером, в прошлом августе, я столкнулся с событиями настолько необычными, что принял бы их за сон, если бы не знал точно, что ни на минуту не смыкал глаз.

Имея в виду означенные выше цели, я должен был на некоторое время устроить себе штаб-квартиру в Туре. Следы потомков семьи Кальвина привели

меня из Нормандии в Центральную Францию, но тут выяснилось, что некоторые семейные документы оказались во владении церкви и для знакомства с ними требуется своего рода санкция от епископа местной епархии; и вот, поскольку у меня в Туре имелось несколько приятелей-англичан, я решил, что буду ждать ответа от монсиньора де *** именно в этом городе. Я был готов откликнуться на любое приглашение, но таковых поступало очень немного, и временами я не знал, чем занять себя вечером. К табльдоту созывали в пять; тратить на наем собственной гостиной я не хотел, застольную атмосферу общей *salle à manger*¹ недолюбливал, в пул и в бильярд не играл; притом прочие постояльцы выглядели не настолько располагающе, чтобы затевать с ними карточную партию тет-а-тет. Поэтому я обычно не засиживался за обедом и, дабы сполна использовать светлый остаток августовского вечера, немедленно отправлялся на прогулку по окрестностям: ведь днем, в жару, лучше было проводить время на бульварной скамье, лениво прислушиваться к далекому уличному оркестру и столь же лениво рассматривать лица и фигуры проходивших мимо женщин.

Как-то (помнится, в четверг восемнадцатого августа) во время вечерней прогулки я забрел дальше обычного и, когда опомнился, понял, что припозднился. Мне пришло в голову срезать путь; ясно представляя себе, в какой стороне нахожусь, я подумал, что надо бы свернуть влево, где тянулась прямая узкая дорожка, и тогда я доберусь до Тура намного

¹ Столовой (*фр.*).

быстрей. И этот замысел удался бы, попадись мне в нужном месте боковая тропа, но я не учел, что в данной части Франции луговые тропинки — большая редкость; дорожка, прямая и правильная, как городская улица, в обрамлении двух ровных рядов тополей, тянулась устрашающей перспективой до самого горизонта. Надвинулась, разумеется, ночь, и я оказался в потемках. В Англии я, миновав одно-два поля, завидел бы, скорее всего, светящееся окошко и мог бы спросить дорогу у обитателей дома, но здесь мне не попадалось ни единого приветного огонька; похоже, французские крестьяне отправляются летом спать вместе с солнцем, так что, если поблизости и имелось какое-то жилье, я его не разглядел. Наконец (после, наверное, двухчасового блуждания в темноте) я увидел по одну сторону однообразной дорожки расплывчатый контур леса и, в нетерпении решившись пренебречь лесным кодексом и наказанием, грозящим его нарушителю, направился прямо туда, чтобы на худой конец найти какое-нибудь укрытие, прилечь там и отдохнуть, по-иски же дороги в Тур отложить до рассвета. Но то, что я принял за густой лес, оказалось молодыми посадками, расположенными настолько плотно, что деревья вытянулись в высоту, но не обзавелись обильной листвой. Пришлось двинуться в чащу, и только там я стал осматриваться в поисках пригодного логовища. В привередливости я не уступал внуку Лохъела, который возмутил деда своей подушкой из снега: тут кусты слишком сырые, там заросли ежевикой; торопиться было незачем, поскольку надежды переночевать под кровом у меня не осталось, а потому я переставлял ноги неспешно,

нащупывая путь при помощи палки и надеясь не потревожить при этом какого-нибудь скованного летней сонливостью волка. И тут неожиданно-негаданно передо мной, не далее как в четверти мили, возник замок, к которому вела как будто старая, заросшая травой подъездная аллея, — я как раз ее пересекал, когда, глянув вправо, сделал свое обнадеживающее открытие. На темном фоне ночного неба чернел обширный величественный контур; в слабом свете звезд различались башенки-перечницы, турели, прочие фантазмагорические подробности. В деталях рассмотреть строение я не мог, но к сугубой своей радости обнаружил, что во многих окнах горит свет, словно дом полон гостей.

«Как бы то ни было, хозяева явно радушные люди, — подумал я. — Может, они согласятся приютить меня на ночь. Едва ли у них, как у английских джентльменов, всегда наготове двуколка и лошади, однако в доме явно собралось много народу, среди гостей найдутся обитатели Тура, они не откажутся подвезти меня в „Лион д’Ор“. Я человек не гордый и устал как собака. Если придется, примошусь и на запятках».

Ускоренным, приободренным шагом я подошел к двери, которая на самый гостеприимный манер стояла открытой, позволяя видеть обширный освещенный холл, увешанный охотничьими и военными трофеями и прочими украшениями; впрочем, я не успел подробно их рассмотреть, потому что на пороге показался великан-привратник в странной старомодной ливрее, вполне соответствовавшей общему облику дома. На французском языке (который я из-за причудливого выговора принял вначале за

неизвестный мне патуа) он осведомился, как я зовусь и откуда прибыл. Мне подумалось, что от этих сведений ему проку не будет, однако правила вежливости требовали назвать себя, прежде чем просить о помощи, и потому я ответил:

— Меня зовут Уиттингем — Ричард Уиттингем, джентльмен из Англии. Я остановился в...

К крайнему моему изумлению, великан был явно обрадован; отвесив мне низкий поклон, он заявил (на том же причудливом диалекте), что меня давно и с нетерпением ожидают.

Давно ожидают? Что бы это значило? Не наткнулся ли я на фамильное гнездо родственников по линии Жана Кальвина, которые слышали о моих генеалогических штудиях и проявляют к ним одобрительный интерес? Однако я был слишком обрадован перспективой провести ночь под крышей, чтобы предварительно доискиваться причин столь радушного приема. Распахивая тяжелые створки двери, ведущей из холла внутрь дома, великан обернулся и сказал:

— Месье Жанкийёра, как видно, с вами нет.

— Нет-нет, со мной нет никого, я заблудился... — Я продолжил объяснения, но привратник, не выказывая к ним ни малейшего интереса, стал подниматься по большой, шириной в добрый зал, каменной лестнице; ее площадки были огорожены массивными железными воротцами в тяжелом каркасе, которые он всякий раз открывал с подобающей его летам торжественной неспешностью. Ожидая, пока он повернет в старинном замке тяжеловесный ключ, я и сам начал ощущать странный почтительный трепет при мысли о том, что со времен постройки

этого замка протек не один век. Стоило лишь немного напрячь воображение, чтобы услышать, как в больших безлюдных галереях, смутно видневшихся в темноте по обеим сторонам лестничных площадок, то нарастал, то стихал мощный, подобный вечному морскому прибою, гул. Безмолвный воздух словно бы полнился голосами многих человеческих поколений. Странное чувство вызывал во мне и шедший впереди мой приятель-привратник, чьи стариковские колени прогибались под тяжестью корпуса, а рукам не хватало силы, чтобы ровно держать высокий факел, — странное потому, что ни в обширных залах и коридорах, ни на самой лестнице я не видел больше ни одного слуги. Наконец мы остановились перед позолоченными дверями зала, где собралась то ли семья, то ли — если судить по множеству голосов — компания гостей. Обнаружив, что меня — одетого в прогулочное, к тому же не лучшее платье, пыльного и грязного с дороги — вот-вот введут в помещение, где присутствует незнамо сколько дам и господ, я попытался было возражать, однако упрямый старик словно бы оглох, вознамерившись, судя по всему, доставить гостя напрямиком к хозяину.

Двери отворились, и я был впущен в зал, заполненный удивительным бледным светом: разлитый всюду равномерно, он не исходил из определенного центра, не мигал при колебаниях воздуха, но проникал во все углы и закоулки, делая формы предметов восхитительно четкими; от нашего газового или свечного освещения он отличался так же сильно, как прозрачная южная атмосфера отличается от английского тумана.

В первую минуту моего появления никто не заметил: зал был набит народом, поглощенным собственными разговорами. Мой друг-привратник, однако, приблизился к красивой даме средних лет в богатом наряде, старинный стиль которого недавно снова вошел в моду, склонился перед ней в почтительной позе, дождался, пока она обратит на него внимание, и — как я понял из его взмаха рукой и внезапно брошенного ею взгляда — назвал мое имя, присовокупив к нему еще какие-то сведения.

Дама тут же шагнула ко мне, еще издалека предварив слова жестом самого дружественного приветствия. Язык и произношение ее — вот странность! — могли бы принадлежать самой заурядной французской крестьянке. Вид дамы, однако, выдавал благородное происхождение и был бы величав, если бы не некоторая суетливость манер, а также излишне живое и любопытствующее выражение лица. К счастью, мне довелось уже побродить по старым кварталам Тура и изучить диалект, на котором говорят на рыночной площади и в подобных местах, иначе я едва ли понял бы речь красавицы-хозяйки, когда она предложила познакомить меня с ее супругом, аристократичного вида господином, похожим на подкаблучника и одетым еще причудливее жены — в том же, но доведенном до крайности стиле. Я отметил про себя, что во Франции, как и в Англии, именно провинциалы доходят до смешного в своей приверженности моде.

Как бы то ни было, хозяин (тоже на патуа) сказал, что рад знакомству, и подвел меня к удивительно неудобному «удобному креслу» — такому же странному, как и прочая мебель, которая не по-

казалась бы анахронизмом разве что в «Отеле Клоуни». Вокруг снова зазвучала ненадолго оборванная моим появлением французская речь, и мне наконец удалось осмотреться. Напротив сидела очень привлекательная дама, которая, как мне подумалось, в юности сияла красотой, но благодаря своему обаянию останется миловидной и в преклонные года. Дама отличалась, однако, чрезмерной полнотой, и, глядя на ее покоившиеся на подушечке ноги, я сразу понял, что ходить с такими отеками невозможно и от этого, вероятно, моя соседка еще больше прибавляет в весе. Ее пухлые маленькие руки с далеко не безупречной кожей выглядели, в отличие от очаровательного лица, совсем не аристократично. Платье из роскошного черного бархата, отороченное горностаем, было обильно усеяно бриллиантами.

Неподалеку от дамы стоял самый маленький человечек, каких мне доводилось видеть, притом настолько хорошо сложенный, что язык не повернулся бы назвать его карликом, поскольку это понятие обычно подразумевает некое уродство; изящные правильные черты его миниатюрного личика производили бы приятное впечатление, если б не циничный, прожженный, лукавый, как у эльфа, взгляд. Судя по его неподобающей одежде (а он, в отличие от меня, явно был не случайным, а приглашенным гостем), я заподозрил, что он не ровня остальной компании; кроме того, иные ужимки коротышки пристали скорее грубой деревенщине, нежели воспитанному человеку. Поясню свою мысль: на госте были выдавшие виды, латанные-перелатанные сапоги. С какой бы стати ему в них наряжаться, если это не была его лучшая — его единственная пара?

А разве совместима бедность с хорошими манерами? К тому же гость то и дело нервно теребил себе шею, словно ожидал обнаружить какой-то непорядок, и имел неловкую привычку (едва ли позаимствованную от доктора Джонсона, о котором, скорее всего, никогда не слышал) на обратном пути ступать по тем же половицам, что на пути туда. И наконец, решающий признак: однажды я слышал, как кто-то назвал его «месье Пусе», без аристократической приставки «де», меж тем как другие участники собрания (почти все) имели ранг никак не ниже маркиза.

Я говорю «почти все», потому что иные из присутствующих выглядели престранно, разве что это были, подобно мне, застигнутые ночью путники. Одного из гостей я чуть было не принял за слугу, если бы не заметил, какую власть он имеет над своим предполагаемым хозяином; тот как будто шагу не мог ступить без указаний своего спутника. Этот самый хозяин, разодетый в пух и прах, но державшийся неловко, словно в наряде с чужого плеча, с красивыми, но лишенными мужественности чертами лица, непрерывно перемещался по залу, однако, как я предположил, встречал со стороны некоторых джентльменов настороженное отношение и потому вынужден был довольствоваться в основном обществом своего сотоварища; одежда последнего напоминала униформу посольского егеря и все же таковой не являлась, а происходила из стародавних времен; до нелепости крохотные ножки торнули в высоких сапогах, которые, будучи явно ему велики, громко стучали при ходьбе; и все — куртку, плащ, сапоги, шапку — украшала обильная отороч-

ка из серого меха. Вы замечали, конечно, что в чертах иных людей проглядывает сходство с каким-нибудь животным, будь то зверь или птица. Так вот, этот егерь (так я стану называть его за неимением другого имени) был как две капли воды похож на крупного кошака Мурлыку, которого вы так часто видели у меня на квартире и едва ли не всякий раз потешались над тем, как вальяжно он себя держит. У моего Мурлыки серые баки — у егеря тоже были баки и тоже серые; у моего Мурлыки над верхней губой топорщатся серые волоски — у егеря тоже были усы, длинные и серые. Зрачки у Мурлыки обладают свойством расширяться и сужаться, как свойственно одним лишь кошкам, — так думал я, пока не увидел зрачки егеря. И уж на что Мурлыка смышлен — в чертах егеря отражался ум еще больший. Казалось, он держит своего господина (или покровителя) в полном подчинении; напряженное недоверие, с каким егерь за ним следил, составляло для меня полнейшую загадку.

Поодаль располагалось еще несколько кружков, участников которых я, судя по их исполненному старомодного достоинства виду, отнес к высшей знати. Похоже, они хорошо знали друг друга, словно собирались на подобные встречи далеко не в первый раз. Но наконец меня отвлек от наблюдений замеченный ранее низкорослый господин, который направился ко мне из противоположного угла зала. Общительность у французов в крови, и моему миниатюрному приятелю это национальное свойство было присуще в полной мере: не прошло и десяти минут, как наша беседа сделалась, можно сказать, доверительной.

Я успел уже понять, что теплый прием, оказанный мне всеми, от привратника до бойкой хозяйки и смиренного хозяина замка, объяснялся тем, что меня приняли за кого-то другого. Следовало бы развеять это столь удачное заблуждение, но тут требовались либо очень решительный характер, каким я похвалиться не мог, либо уверенность в себе и мастерство светского общения, для чего мне не доставало ни искушенности, ни ума. Однако мой маленький собеседник настолько расположил меня к себе, что я подумывал ему открыться и обрести в его лице друга и союзника.

— Мадам приметно стареет, — прервал он мои раздумья, указывая взглядом на хозяйку.

— Мадам все еще очень красива, — отозвался я.

— Я поражаюсь тому, — мой собеседник понизил голос, — как женщины любят превозносить отсутствующих и умерших. Можно подумать, это сущие ангелы, в то время как присутствующие или живые... — Пожав плечиками, он сделал выразительную паузу. — Вы не поверите: мадам вечно повергает нас, гостей, в смущение, нахваливая прямо при мне своего первого супруга, меж тем всем и каждому известно, что покойный месье де Рец отнюдь не являлся образцом добродетели.

«Всем и каждому в Турени», — мысленно уточнил я, но все же что-то пробормотал в знак согласия.

Тут ко мне подошел наш хозяин и, изобразив взглядом доброжелательную заинтересованность (какую напускают на себя иные, когда осведомляются о здоровье вашей матушки, до которой им нет ровно никакого дела), спросил, как поживает известная пушистая особа и давно ли я получал о ней

известия. Что бы значило это «как поживает известная пушистая особа»? Пушистая особа! Кого он имел в виду: моего бесхвостого Мурлыку, рожденного на острове Мэн, а ныне, если ничего не случилось, охраняющего мою лондонскую квартиру от вторжения крыс и мышей? Он, как вы знаете, водит дружбу со многими моими приятелями и не стесняется пользоваться их ногами, когда хочет обо что-нибудь потереться; приятели же высоко ценят достоинство его манер и привычку многозначительно моргать. Но неужели его слава достигла противоположного берега Ла-Манша? Так или иначе, от ответа было не увильнуть, поскольку месье взирал на меня сверху вниз с видом любезной озабоченности, и я, постаравшись выразить взглядом благодарность, заверил, что, насколько мне известно, на здоровье она не жалуется.

— Подходит ли ей тамошний климат?

— Вполне, — кивнул я, не переставая удивляться тому, как его заботит благополучие бесхвостого кота, потерявшего в жестокой переделке лапу и половину уха. Хозяин одарил меня приятной улыбкой, бросил несколько слов моему маленькому соседу и удалился.

— До чего же скучны эти аристократы! — Мой сосед молвил это с кривой улыбкой. — За редким исключением месье сводит разговор к двум фразам, не больше. Затем его красноречие иссякает и ему требуется подкрепить себя молчанием. Иное дело такие люди, как мы с вами, месье, — своим возвышением в свете обязанные собственному уму!

От этих слов я снова растерялся. Как вам известно, я горжусь своим происхождением от семейств

если не аристократических, то родственных знати; что до моего «возвышения в свете», то таким подспорьем, как природный ум, я не обладал и взмыть к небесам мог бы лишь наподобие воздушного шара — благодаря отсутствию балласта как в голове, так и в карманах. Тем не менее от меня требовался знак согласия, и я снова улыбнулся.

— Что до меня, — продолжал мой собеседник, — то, если человек не цепляется за мелочи, если умеет где-то мудро умолчать, а где-то присочинить и не щеголяет показной гуманностью, он непременно преуспеет, добавит к своей фамилии «де» или «фон» и закончит дни в покое и довольстве. И один из таких людей здесь присутствует.

Он скользнул взглядом по хлипкому господину, повелевавшему смышленным слугой, которого я прозвал егерем.

— Месье маркиз так и остался бы всего лишь сыном мельника, если бы не таланты его слуги. Вам, конечно, известно его прошлое?

Я собирался высказать несколько замечаний о временах в ранжировании дворянских титулов начиная с времен Людовика Шестнадцатого, чем рассчитывал проявить свой ум и знание истории, но тут в отдаленном конце зала возникла небольшая суматоха. Откуда-то, не иначе как из-за настенных шпалер, появились лакеи в причудливых ливреях (я не видел, как они вошли, хотя сидел напротив двери), с легкими напитками и еще более легким угощением, соответствовавшим случаю, но отнюдь не моему волчьему аппетиту. Лакеи застыли в торжественной позе перед одной из дам — ослепительной, как майский день, красавицей, — которая... спала

сном праведницы на роскошном канапе. Какой-то джентльмен (как я заподозрил, ее муж, иначе с чего бы ему так злиться из-за не вовремя одолевшей красавицу дремоты) пытался ее разбудить, довольно бесцеремонно тряся за плечи. Все было бесполезно: дама оставалась бесчувственной и к раздражению супруга, и к улыбкам окружающих, и к настойчивости похожего на автомат лакея, и к растерянности хозяина и хозяйки.

Мой миниатюрный друг, садясь, усмехнулся, словно бы его любопытство уступило место презрению.

— Моралистам эта сцена дала бы повод к множеству мудрых замечаний, — проговорил он. — Первым делом обратите внимание на то, в какой смешной ситуации оказалась вся эта публика по причине своего суеверного почтения к титулам и рангам. Поскольку месье является правителем какого-то крохотного государства, точное местоположение которого до сих пор не установлено, то прежде чем протянуть руку за стаканом eau sucré¹, присутствующие должны дождаться пробуждения мадам принцессы, но, судя по прошлому опыту, несчастным лакеям придется простоять перед ней еще лет сто. Отметьте еще, опять же с позиций моралиста, как трудно избавляться от дурных привычек, если они усвоены с молодых ногтей!

Тут принцу удалось наконец (каким образом — я не заметил) разбудить спавшую красавицу. Она, однако, не сразу осознала, где находится, и, окинув любовным взором супруга, с улыбкой произнесла:

— Это вы, мой принц?

¹ Сладкой воды (*фр.*).

Тот, раздосадованный подспудным весельем наблюдателей, не был расположен к ответной нежности; отвернувшись, он пробормотал сквозь зубы несколько слов, которые лучше всего перевести английским: «Ладно, ладно, дорогая!»

Осушив бокал неизвестного, но восхитительного вина, я почувствовал прилив смелости и поведал своему циничному собеседнику (который, надо сказать, уже мне разонравился), что заблудился в лесу и попал в замок по ошибке.

Моя история как будто очень его позабавила; он сказал, что и с ним неоднократно приключались подобные оказии; в одном случае — не столь счастливым, как мой нынешний, — он даже мог, судя по его рассказу, поплатиться головой. Завершая свое повествование, мой миниатюрный сосед продемонстрировал мне свои сапоги: пусть они латаны-перелатаны и оттого уже не те, что прежде, но он их носит до сих пор, ведь в протяженных пеших путешествиях их ничто не заменит. «Хотя, — добавил он под конец, — эти новомодные железные дороги, пожалуй, сделают подобную обувь ненужной».

Когда я спросил у него совета, как дать понять хозяину и хозяйке, что я не тот гость, за которого меня приняли, а всего лишь застигнутый темнотой путник, он воскликнул: «Бросьте! Меня тошнит от этого чистоплюйства». Мой невинный вопрос, видимо, сильно задел собеседника, словно был задан ему в осуждение. Он обиделся и умолк, а я как раз перехватил ласковый, притягательный взгляд дамы, сидевшей напротив, — той самой, о которой было сказано, что юные годы ее остались позади и водруженные на подушечку ноги, очевидно, плохо ей

служили. На ее лице было написано: «Подойдите ближе, давайте побеседуем», так что я немым поклоном извинился перед своим миниатюрным соседом и подошел к немолодой хромоножке. Она приветствовала мое приближение изящнейшим жестом благодарности и, словно бы оправдываясь, произнесла:

— Скучно сидеть на месте в подобные вечера, но так я наказана за свое бывшее тщеславие. Уж очень немилосердно я обходилась со своими крохотными от природы ступнями, заковывая их в слишком тесную обувь, и теперь они, бедные, мне мстят... Кроме того, месье, — с приятной улыбкой добавила дама, — я подумала, что вас могло утомить злоречие вашего маленького соседа. У него с самого рождения желчный характер, а к старости такие люди обычно становятся циниками.

— Кто он такой? — спросил я напрямую, как принято у англичан.

— Его фамилия Пусе; отец был дровосек или угольщик, что-то в этом роде. Ходят всякие нехорошие слухи: попустительство убийству, неблагодарность, мошенничество... но не буду злословить, а то вы решите, что я не лучше его. Полюбуюсь лучше этой прелестной дамой — вот она идет к нам с розами в руках; никогда не видела ее без роз, они ведь тесно связаны с ее прошлым, что вам, конечно же, известно. Ах, чаровница! — обратилась моя соседка к приближавшейся даме, — ты верна себе: решила подойти сама, раз уж мне теперь до тебя не добраться. — Она обернулась, дабы, в согласии с этикетом, включить в разговор и меня. — Да будет вам известно, мы познакомились не очень давно, уже

Н 13 Наблюдатель у порога : рассказы / пер. с англ. Л. Бриловой, А. Бродоцкой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 352 с. — (Таинственные рассказы). ISBN 978-5-389-26754-1

Серия «Таинственные рассказы» — это сборники произведений малой прозы, написанных в XIX — первой половине XX века. Истории, вводящие читателей в мир, где обыденное соседствует со сверхъестественным, где судьбы героев вершат вселяющие страх потусторонние силы, а сама граница между жизнью и смертью оказывается зыбкой, издавна пользовались популярностью. Овеянные мрачным колоритом, драматичные сюжеты о родовых проклятиях, загадках старинных портретов, сделках с дьяволом, неприкаянных душах, призраках и т. д. стали особенно популярны в эпоху романтизма. Но и позднее интерес читателей к ним не иссяк: даже в эпоху философского скептицизма, расцвета науки и триумфа техники готическая литература остается востребованной, а таинственное, необъяснимое, чудесное по-прежнему и привлекает, и завораживает.

В сборник вошли мистические рассказы британских и американских писателей, среди авторов Элизабет Гаскелл, Джон Кендрик Бангз, Эдвард Фредерик Бенсон и др.

**УДК 821.111+821.111(73)
ББК 84(4Вел)+84(7Сое)-44**

НАБЛЮДАТЕЛЬ У ПОРОГА

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректор Лариса Ершова

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 11.09.2024.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 15,51. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-GHS-35752-01-R